

А. А. АЛЕКСЕЕВ

О НОВГОРОДСКИХ ВОЩЕННЫХ ДОЩЕЧКАХ НАЧАЛА XI В.

Замечательная находка новгородской экспедиции 2000 г. заслуживает и удостоена самого тщательного научного исследования, см. [Зализняк, Янин 2001; Зализняк 2002; Зализняк 2003а; Зализняк 2003б; Соболев 2003]. Напомню, что она состоит из трех дощечек, на поверхности которых, покрытой восковым слоем, сохранился текст псалмов 75, 76 и 67. 4б-6а. Датировка, выполненная несколькими способами, определяет время написания текста началом XI в. Таким образом, в наших руках оказался один из древнейших памятников славянской церковной письменности, старше которого могут быть признаны принадлежащие X в. Саввина книга и, по всей вероятности, Куприяновские листы, послужившие оригиналом в том же Новгороде диакону Григорию, писцу Остромирова евангелия [Мошин 1983]. Цера (лат. *cera* 'воск') является самым древним списком Псалтыри, превосходя по возрасту на несколько десятилетий Евгеньевскую, Бычковскую и Синайские псалтыри. Текст древнего перевода Псалтыри, который обычно атрибутируется Кириллу и Мефодию, при наличии не слишком многочисленных разночтений в источниках XI—XIV вв. плохо делится на редакционные разновидности и отличается исключительной стабильностью, если сравнивать его с текстом Евангелия, что подтверждает и эта находка. В работе [Зализняк, Янин 2001] произведено сопоставление текста с некоторыми другими рукописями Псалтыри, которое показывает, что ближе всего к восковому списку стоят восточнославянские Бычковская и Чудовская псалтыри, что не кажется удивительным. В свою очередь я сравнил этот текст с толковыми списками — новгородским Ф.п.1.23, XI—XII в. и среднеболгарским Погод. 8, XIV в. У этих двух источников оказалось еще меньше расхождений с восковой Псалтырью: если там минимальное число разночтений 10—11, то тут — 6—7. Впрочем, процедура сопоставления, какой я пользовался вслед за [Зализняк, Янин 2001], лишена необходимой строгости. В ней обращено внимание лишь на ту часть разночтений, которая несет семантическую нагрузку, но, чтобы выявить генеалогические связи между рукописями, нужно принимать во внимание весь диапазон варьирования (см. [Алексеев 1999: 56—58]); этот путь исследования может привести к более отчетливым результатам.

По характеру того писчего материала, каким является воск, нетрудно заключить, что написанный на нем текст не подлежал длительному хранению и многократному использованию. Известно, что в Европе на церках записывали финансовые документы вроде долговых расписок, которые при необходимости длительного хранения переписывали на бумаге [Люблинская 1969: 22]. Иначе говоря, хотя тексты на воске могли сохраняться в течение известного времени, они использовались однократно. Каково же назначение воскового текста Псалтыри? В латинской палеографии известны восковые списки кратких текстов для рецитации за литургией [Paoli 1894: 20]; цера, написанная около 600 г. в Ирландии, также содержит Псалмы [Wright 1963]. Однако в нашем случае говорить о таком употреблении не приходится. Псалмы читались и читаются не в отдельности, а в определенных сочетаниях; последовательность псалмов 75 и 76 входит в 10-ю кафизму, которая начинается псалмом 70 и никоим образом не может быть размещена на поверхности четырех деревянных страниц. Помимо применения за богослужением Псалтырь служила обучению чтению и письму, и вполне можно допустить, что такова была причина появления данного текста. Но восковой список мог возникнуть в качестве промежуточного при копировании Псалтыри с оригинала, написанного глаголицей. Действительно, отсутствие словоделения крайне затрудняло точное копирование и осуществлялось хотя бы в некоторых случаях побуквенно. Вследствие этого создаваемый апограф мог пестреть немалым числом ошибок, вызванных неверным прочтением и отождествлением букв. Разумнее было произвести черновую транслитерацию текста, затем внести в нее коррективы и лишь после этого переписать на дорогой материал, каковым являлся пергамен. В нескольких местах псалтырный текст на воске действительно подвергся правке, связанной, очевидно, с устранением описок. Его одноеровую орфографию можно было бы оценить как черту, восходящую к глаголическому антиграфу; она, однако, присуща всем «скрытым текстам», следы которых сохранились под воском на дереве. Попытки связать эту орфографическую норму с болгарскими школами не дают ясного результата (см. [Соболев 2003]).

Возможно, что эта черта объяснима из структуры ранних славянских азбук. Как показал А. А. Зализняк, в азбуках церы, равно как в азбуках Софийского собора (XI в.) и некоторых берестяных грамот буквы для специфически славянских гласных (ѣ, оба ера, оба юса, ѡ и ѱ), находятся в конце основного алфавитного ряда, который, начинаясь буквой «азь», завершается буквой «оть» и воспроизводит, таким образом, структуру греческого алфавита. Из этого делается вывод, что «на древнем этапе развития кириллицы существовали такие варианты состава азбуки, в которых к греческим буквам уже были добавлены специфически славянские согласные буквы (все или хотя бы часть), но еще не были добавлены специфически славянские гласные буквы» [Зализняк 2003б: 26—28]. Наличие таких неполных азбук не означает еще, что существовали тексты, написанные ими. Однако обращает на себя внимание, что буква «ерь» в некоторых из таких азбук отсутствует, равно как неизвестна она и орфографии некоторых новгородских грамот [Зализняк 1995: 5]. Таким образом, одноеровая орфо-

графия церы могла иметь своим основанием некнижное новгородское письмо с его упрощенной системой передачи славянских гласных переднего ряда.

Необычной особенностью псалтырного воскового текста является то, что стихи отделяются в нем друг от друга сплошными линиями, пересекающими дощечки от одного края до другого, тогда как строки, образующие стих, разделены двоеточиями. Возникает вопрос: что послужило источником при отождествлении границ стихов? Ведь в рукописной традиции псалтырный текст делится лишь на стихотворные строки (полустишия), которые не объединяются графически наглядным способом в стихи. Единственное известное мне исключение из этого правила представляет собой глаголическая Синайская псалтырь, в которой инициалы стоят как раз в начале стихов, тогда как строки (полустишия) разделены лишь пунктуационно. Следовательно, новгородский писец пользовался каким-то сходным источником. Рисовать инициалы на воске не представлялось возможным, и он применил этот необычный графический прием, т. е. сплошную линию, для разделения стихов.

Есть и еще одна странная особенность у этого текста: псалмы 75 и 76 лишены надписаний, т. е. своих начальных стихов, в которых излагаются обстоятельства их появления. Ср. их по тексту Геннадиевской библии: 75.1 **в кон(ьць). в пѣснѣх ѱлѣм асафов, пѣс(нь) къ ассироу;** 76.1 **в кон(ьць) в пѣснѣх ѱлѣм асафовъ. о идїѡмѣ.** В рукописной традиции Псалтыри надписания обычно пишутся более мелким почерком или помещаются на поля; они, однако, являются обязательной принадлежностью всех типов псалтырного текста, т. е. четьего, литургического, толкового. Их отсутствие здесь позволяет сделать два альтернативных заключения: или текст на воске имел учебное назначение и писец не стремился к необходимой его полноте; или антиграфом служил текст с толкованиями, так что надписания при копировании были приняты за толкования и опущены вместе с ними. Второе предположение согласуется с отмеченной выше близостью воскового текста к толковой Псалтыри; толкования Псевдо-Афанасия Александрийского на Псалтырь существовали у славян уже в X в.

Находка новгородской церы проясняет вопрос о том, как осуществлялась у славян работа по переводу византийских сочинений и редактированию переводов. Трудно допустить, чтобы сложные филологические задачи выполнялись с листа без черновых заготовок, ибо и сегодня при наличии разного рода пособий в виде словарей и грамматик, облегчающих труд переводчика, нельзя обойтись без черновика. Равным образом, и такие искусные риторические построения, как проповеди митр. Илариона и еп. Кирилла Туровского, не могли лечь на пергамен сразу в своем окончательном виде. На наличие черновиков намекает один пассаж не вполне ясного содержания в составе толкований на Песнь песней, который я понимаю как редакторское замечание: **обюдоу словоу могоуцнемоу послужити, и в глаголемъи тѣакъ или въ самое послѣдова- ннѣ. разоумѣван ми противоу растоанию** (см. [Алексеев 2002: 59, 90]). Латинской палеографией надежно установлено использование воощенных дощечек в качестве черновиков [Thompson 1894: 19—22; Bischoff 1989: 14].

Для судьбы данной находки благоприятным обстоятельством явилось то, что филологическим прочтением текста занялся столь глубокий и разносторонний лингвист, как А. А. Зализняк. Отгиски букв, выдавленные на поверхности дощечек острым концом писала при письме по воску, привлекли его пристальное внимание. Это следствие писания на cere было писцам известно, почему в Европе поверхность дощечек время от времени скоблили, чтобы избавиться от образовавшихся на ней неровностей и вернуть ей первоначальную гладкость [Люблинская 1969: 20—22]. В нашем случае этого не случилось, и А. А. Зализняку удалось разобрать немалое количество литер, сохранившихся за годы письма на древесной поверхности дощечек. Похоже на чудо, что по прошествии тысячелетия в сложном узоре букв оказалось возможным выявить разные слои и связать буквы, принадлежащие одному и тому же слою, в цепочки, так что их последовательность складывается в смысловые единства. К сожалению, такие отождествления на деле почти не могут быть проверены, хотя об одном положительном случае упоминается [Зализняк 2002: 39—40].

Благодаря некоторым своим чертам эти «скрытые тексты» (как они названы издателями) кажутся довольно необычными на фоне известных сегодня текстов из пергаменных и бумажных кодексов, равно как и берестяных свитков. Эти черты, однако, находятся в согласии с назначением воощенных дощечек. Их главной особенностью является многократное повторение одних и тех же букв, слов и словосочетаний, оставивших свой отпечаток практически на одном и том же месте древесной поверхности. Это загадочное на первый взгляд явление может значить только одно: написанные на воске письма обводились снова и снова. Причина такой практики заключается, по-видимому, в том, что текст, написанный опытной рукою учителя, обводился учеником для усвоения навыков каллиграфии и выработки правильного почерка. Нет сведений о способах формирования у славян профессиональных почерков, тогда как европейские источники говорят о существовании прописей и о том, что овладение мастерством каллиграфии достигалось как раз на воощенных дощечках и под руководством опытного наставника [Киселева 1976: 63]. На одной известной cere греческие стихи в стиле Менандра написаны опытной рукою учителя и повторены учеником [Thompson 1894: 22]. Алфавит, нацарапанный на деревянных полях новгородской cere [Зализняк 2003б: 18], также выполнял функцию прописей; в этом же качестве могла использоваться найденная в Новгороде в 1954 г. дощечка с алфавитом [Арциховский 1958: 79—81]. И все же практика обведения образцового текста кажется естественной и необходимой, только она могла обеспечить ту устойчивость профессиональных почерков, которая наблюдается в древних новгородских рукописях.

В связи с функциональным назначением воощенных дощечек, призванных служить черновиком и прописями, следует оценивать и сами «скрытые тексты», столь тщательно восстанавливаемые А. А. Зализняком. Они могут представлять собою либо черновые наброски сочинений, подлежащих последующему воспроизведению на пергамене, либо опыты по развитию навыков рукописания и сочинительства.

К первой категории могут принадлежать выявленные на древесном слое отрывки из Апокалипсиса и Слова о девстве Иоанна Златоуста. Прочтение и публикация Апокалипсиса могла бы иметь большое значение для выяснения истории текста, поскольку ранние свидетели этой библейской книги пока не позволяют с надежностью установить время и место происхождения славянского перевода; древнейший список Апокалипсиса относится к XIII в. и происходит как раз из Новгорода (БАН, собр. Никольского 1). Вместе с тем нельзя отрицать и того, что два названных сочинения копировались либо с целью изготовления аккуратной версии для воспроизведения на пергамене, либо для простого развития навыков письма.

Ко второй категории, на мой взгляд, принадлежат тексты с многочисленными повторами и вариантами исходной структуры, о чем так увлекательно рассказывает А. А. Зализняк в ряде публикаций. Это и 116 императивов, повторяющих заветы благочестия, и необъятные квазисинонимические ряды (**разладты, раздорты, раскладты, развозты, располонты, разлогты** и т. п.), и псевдоафористические формулы, пародирующие учительные книги Св. Писания (**миръ есть градъ въ немъже прѣбывають армене и африкяне и аракиане и италиане и испане и гръци** и т. п.), и фантастические персонажи вроде **от рода лаодикинска ареопагитъ фракниискъ настоятель обители желѣзныа горы митрополитъ константина града презвоутеръ пророка даниила** (см. [Зализняк 2003а: 198, 205, 206, 209]). Все это может быть просто плодом пробы пера, отражать игру литературными формами. Основным показателем этой литературной игры выступают, повторяем, амплификация синтаксически тождественных элементов.

Не следует увлекаться серьезной идеологической трактовкой этой игровой стихии «скрытых текстов» (ср. [Бобрин 2003]), забывая о функциональном назначении писчего материала, на котором запечатлелись такого рода тексты, и о необычности самой стилистики, которая объяснима только из функционального назначения воцеленных дощечек. Вместе с тем данные тексты свидетельствуют о поразительно высокой письменно-языковой культуре того лица, которому принадлежат эти литературные наброски. Нам известны кое-какие опыты литературной игры у восточных славян в более позднее время, но в начале XI в. их было трудно ожидать. Их принадлежность к христианской монашеской культуре, породившей в средние века довольно разнообразные по форме литературные игры (*јоса топачогу*), не вызывает сомнения. То, что «скрытые тексты» в расшифровке А. А. Зализняка обладают именно таким характером, придает надежность их прочтению и служит оправданием предпринятого для этого титанического труда.

Наконец, последнее замечание. Не кажется уместным присвоение воцеленным дощечкам названия «кодекса» (хотя именно так — *codex*, *caudex* — назывались у римлян скрепленные ремешками дощечки для письма). Цера — это не что иное, как черновик и грифельная доска, но термин современной палеографии «кодекс» навязывает представление о том, что как псалмы воскового слоя, так и восстановленные в ходе исследования «скрытые тексты» представ-

ляют собою некое литературное целое, оформленное по правилам создания средневековых рукописей, иначе говоря, являются рукописной книгой. В действительности это не так, и владелец церы не рассчитывал на долгое хранение нанесенных на воске записей. Что касается древесного слоя, на котором оказалось возможным прочесть «скрытые тексты», то их в расчет он никоим образом не принимал. Но по прошествии тысячелетия черновик и учебная тетрадка приобретают неожиданную ценность, сообщая о своей эпохе такие сведения, каких нельзя извлечь из классических литературных трудов.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Алексеев 2002 — А. А. Алексеев. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.

Арциховский 1958 — А. В. Арциховский. Грамоты 84—136 // А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.) М., 1958. С. 5—86.

Бобрик 2003 — М. А. Бобрик. Архангел Гавриил: евангелист и ангел-хранитель. Из наблюдений над Новгородским кодексом XI века // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 204—227.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Тетралогия «От язычества к Христу» из Новгородского кодекса XI века // Русский язык в научном освещении. 2002. № 4 (2). С. 35—56.

Зализняк 2003а — А. А. Зализняк. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 190—212.

Зализняк 2003б — А. А. Зализняк. Древнейшая кириллическая азбука // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 3—31.

Зализняк, Янин 2001 — А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Новгородский кодекс первой четверти XI в.— древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25.

Киселева 1976 — Л. И. Киселева. Готический курсив XII—XIII вв. Л., 1976.

Люблинская 1969 — А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М., 1969.

Мошин 1983 — В. Мошин. Новгородски листићи и Остромирово јеванђеље // Археографски прилози. Т. 5. 1983. С. 7—64.

Соболев 2003 — А. П. Соболев. Новгородская Псалтырь XI века и ее антиграф // Вопросы языкознания. 2003. № 3. С. 112—142.

Bischoff 1989 — В. Bischoff. Latin Palaeography. Cambridge, 1989.

Paoli 1894 — С. Paoli. Programma scolastico di paleografia latina e di diplomatie. II. Materie scritte e librerie. In Firenze, 1894.

Thompson 1894 — Е. М. Thompson. Handbook of Greek and Latin Palaeography. London, 1894.

Wright 1963 — D. Wright. The Tablets from Springmount Bog, a Key to Early Irish Palaeography // American Journal of Archeology. Vol. 67. 1963. P. 219.